

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иногда кажется, что между взлетом и падением расстояние длиною в жизнь, тысячу морских миль или даже световых лет. Между любовью и ненавистью лежат тысячи дрянных поступков, пощечин, поцелуев, проведенных вместе ночей в дешевых отелях, на пляжах, на двуспальных кроватях с роскошными балдахинами. Между жизнью и смертью детство, отрочество, юность, пятерки, полученные в школе. Сданные или несданные экзамены в институт, провалы на работе, увольнения, повышения, переходы в другие отделы, пенсия, больница и самоличная покупка чистенького недорогого костюма. Между надеждой и отчаянием — тысячи рукописей и изданных книг, отвергнутых синописов и автограф-сессий в детских библиотеках.

Все это не так. Вспышка. Коротенькая вспышка длиною в удар сердца, дыхание или даже еще короче: ты просто моргнул — и все. Был счастливым — стал несчастным, был

несчастливым — стал счастливым, любил — теперь ненавидишь, ненавидел жизнь — теперь любишь, а потом наоборот. Когда я писал первую книгу про своего кота Ричи (замечу, сперва она планировалась как детектив, вроде Георгия Персикова, но там откуда-то появился кот, и книга почему-то стала популярной), я находился на самом дне отчаяния — изгнанный, отвергнутый, непонятый, преданный, забытый всеми, кроме моего кота. Вторая книга «Мисс Кисс» толкала меня в водоворот необъяснимых событий, приключений, терзаний, надежд, отчаяния и безумия: я встретил женщину, которая казалась мне то богиней, то развратницей, то верной, то изменницей, а мой кот нашел кошку — Масю. Про кота я к слову, суть-то не в нем. Мы с ним оказались на выставке кошек и прошли все семь кругов ада и семь кругов рая.

Я считал себя бездарностью, халтурищиком, рабочей лошадкой, литературным негром и, наконец, автором категории С. Не поверите, но я собираюсь жениться. Хозяйка Маси меня любит, и она сказала мне, что я достоин большего, я должен бросить все это кошачье дерьмо — ну, извините, именно так и сказала, она иногда бывает грубой — и написать ту самую «нетленку», ради кото-

рой создал меня господь бог. Ту самую, которая изменит весь мир: то есть ее не просто будут читать все, кто умеет читать, она создаст новую эпоху, изменит города и цивилизации, приведет к мировой войне или даже галактической, к революции классов, полов и рас, после которой вся Земля, вся Вселенная очистится и из нее уйдут ревность и предательство, измены и угнетения, страдания и зависть.

А для того чтобы я приступил к самой главной книге в своей жизни, она вытащит меня из подвала на задворках креативного завода, где мы жили с Ричи, в маленький уютный домик в таунхаусном поселке на севере Москвы, в экологически чистом районе недалеко от МКАДа. Там она будет меня кормить вкусной домашней едой, а не пельменями, и помогать вести здоровый образ жизни. Причем, замечу, она не сказала, что отведет меня на кодирование и даже не потребовала, чтобы я совсем бросил пить или хотя бы бросил пить пиво, потому что у меня от него за последнее время немного выросло пузко. Нет, она сказала, что будет помогать вести здоровый образ жизни, вот как. И правда помогала! Мы даже бежали с ней, катались на велосипеде и плавали в речке.

Вы, наверное, запутались или решили, что я совсем спятил, потому что начал с величия поэтической и философской мысли, перешел к миру котов, а закончил отвратительной бытовухой. Нет-нет, я выпил совсем немного, мне оставили бутылку какого-то испанского вина, и я честно больше не пил. Правда, чуть превысил свои возможности в алкоголе, когда моя любовь уехала закупать какие-то очередные корма для животных для ветеринарной клиники Вощинского, но совсем немного.

Как всегда бывает в такие моменты, меня посетила муза, священное безумие поэтов и софистов, а когда утром я проснулся на качелях возле беседки и открыл ноутбук, то снова с удивлением прочитал строки о котах. Черт возьми, как прекрасно они были написаны! Я мастерски описал наших соседей: капитана полиции Лыжина и его кота Прапора, владельца ветеринарной клиники Вощинского, его жену Лину и кошку Франсуазу, хозяина собачьего питомника Карповича, и в этом описании были удивительная стройность, яркие образы, забавные гиперболы, даже стихи. Черт, я снова начал писать стихи!

Когда я был на Кипре в городе Лимассол (об этом я тоже как-нибудь напишу), в туа-

Бой-КОТ. Дело доверчивого ветеринара

лете одного из баров я прочитал выражение: «Не пытайся себя обмануть: ты всегда встретишь то, чего пытаешься избежать». Именно поэтому эта повесть снова про котов. И это не «нетленка». Простите.

Роман Матроскин.

*Лето 2015 года, Подмосковье,
коттеджный поселок «Фауна».*

ГЛАВА I,

в которой новая
большая семья оказывается
на новом большом месте

Нельзя начинать «с уже пойманных мышей».

Неприлично как-то!

Может, Шерлок где-то даже и немного Холмс, но не по Мурке шлейка... Или все же?

Ричи скосил глазом — одним, второй был в прищуре от состояния души, полной довольства или даже неги, — в сторону старинного зеркала.

Оно было огромным по кошачьим меркам, но писатель частенько останавливался перед ним, поглаживал витиватую резьбу, по полчаса разглядывал себя, принимая помпезные позы: то Хемингуэй с трубкой, то взъерошенный Стивен Кинг, то Пушкин с длинными пальцами, то Сократ с придурковатой улыбкой, а то и вообще непонятно кто — видимо, в этот момент он изображал самого себя.

— Нет, ну надо же! — фыркнул Ричи, которого уже начинали раздражать самодовольные ужимки «двуногого», теперь пытающегося раз-

глядеть себя со спины. — Чего старается? Тонус поднимает?

Он вспомнил, как соседский кот Прапор рассказывал про поднятие тонуса. И не только тонуса, потому что фанатки из-за его огненно-рыжей лохматости ему проходу не давали. Особенно в марте.

— Ты думаешь, сосед, — говорил Прапор как-то, развалившись под забором, — они стаей за мной охотятся из-за богатого меха? Другое им надо. Любят меня, глаза друг дружке готовы выцарапать. Вот это «другое» от сырого мяса!

— Что, «двуногий» кормит?

— Ага, дождешься от него! Как жена ушла, все хозяйство пошатнулось. Мыши...

— Ф-фу, моветон, — поморщился Ричард. — Помоечная еда!

— Лучше помойка, чем больничная койка! Ха! — Прапор залихватски подмигнул, продолжая сыпать армейскими прибаутками. — Пусть помои, зато «другое» готово к бою! Шерсть с блеском — это так, побочный эффект.

Стейк с кровью в качестве еды Ричи еще мог себе представить, но вонючие мыши?! А эти намеки про боевую готовность хороши для казарменных охотников за мышами. Если прекрасная Мася всегда под боком, и с ней все так, что лучше не придумаешь, — то ни-

какие средства для повышения котиной силы ни к чему. Силу и так девать некуда!

А вот «двуногого» он совсем запустил... Любовь ему не особо помогает в форму прийти. Как же его умякнуть, чтоб мышшей попробовал? Красота требует жертв. Или же стейк на углях в камине недожарить — чтоб с кровью...

Ричи с опаской глянул в сторону массивного камина из черного мрамора с малахитовой отделкой. Было дело!

К «двуногому» приехал как-то гость, у которого была в загородном имении перепелиная фермочка. Не бизнес, а так, для души и на стол. Опять же — не надо думать, что покупать, когда в гости идешь...

Ричи слышал, как он, хихикая, откровенничал:

— Понимаешь, зовут в гости часто уже из-за того, что знают: привезу яйца и перепелочков... Жирненьких, нежненьких...

И вот, «двуногим» пришло в голову этих птичек «счастья» нанизать на вертел — и в камин, за кованую решетку...

Запах, конечно, — дурман! Только увлекся «двуногий» разговором с гостем, стали гореть птицы. Синим пламенем. Ричи, разумеется, пришлось вмешаться в процесс — свалилось все в угли. Получились перепела не гриль, а «запеченные в углях». А у него самого хвост

заялся, и шерсть обуглилась. Пришлось сунуть хвост в аквариум, за что ему попало, какой-то драной газетенкой из разряда «желтой прессы».

Униженный и оскорбленный, Ричи еще несколько месяцев гордо, не глядя на малахитово-мраморное сооружение, прошмыгивал мимо. А «желтую прессу» стал презирать особенно.

«А теперь, когда наш новый роман завершен, когда поставлена точка в расследовании, интересно, как я буду выглядеть рядом со своим «двуногим» на награждении элитной писательской премией?» — подумал Ричи, соскальзывая с мягкого дивана, на котором уютно устроился, упиваясь будущей славой и теплом нежного велюра болотистого оттенка. Роман, который он печатал лапами по клавиатуре «двуножьего» ноутбука, следовало бы, конечно, называть «моим», но природная скромность этого не позволяла. Хотя даже эта скромность иногда могла куда-то подеваться.

Он подошел к зеркалу и зашипел, разглядывая себя в зеркале со всех сторон.

— Н-да, мя-а-ау! Не собака, конечно, но орел! — На подоконнике сидела влетевшая невесть каким образом прямо в окно второго этажа его Муза — его Маса. От нее на рассто-

янии несло каким-то травянисто-цветочным запахом.

— Ты разлила духи «двуногой»? Вернется — фигурную стрижку усов тебе сделает, — улыбнулся Ричи.

— Не преувеличивай, дорогой! Всего лишь в траве повалялась. Рыбку хочешь?

— Из аквариума?

— Мяу! С ума сошел? Забыл, что ли, как плавал уже среди этих водорослей?

И парочка одновременно захихикала, вспомнив «заплыв» упавшего в аквариум Ричи.

Кот внимательно посмотрел на размякшую, нежно-счастливую Масю. За окном подозрительно жужжали пчелы, ветерок доносил пьянящие до одури запахи...

— Рыбку, говоришь? Это потом, а пока...

Ричи и Мася, не сговариваясь, понеслись в спальню писателя.

Вся обстановка кабинета была знакома до каждого сантиметра в любом углу, потому ее скучно было даже рассматривать: ну, стол, ну, ноутбук. Вот кресло... И книги, книги, книги...

А «двуногий» с утра как заведенный та-рабанил по клавишам ноутбука, создавая «нетленку». За окном ему пытался вторить дятел, но не успевал. Где-то билась в стекло муха, но так хорошо было лежать вдвоем с Ма-

сей на мягком диванчике, подставив живот солнечным лучам, что у мухи появлялись хорошие шансы дожить до вечера. Как все-таки хорошо, когда на улице лето, в белой фарфоровой тарелочке ждет вкуснейший корм, который изготовили специально для тебя, а в густой траве в саду бегают шустрые злые и такие вкусные полевки. Как хорошо быть котом! А котом Ричардом быть просто замечательно!

А ведь совсем недавно жизнь была совсем не такая паштетная.

«Если бы не я... — лениво думал Ричи, — мы с «двуногим» до сих пор прозябали бы в фабричном полуподвале, ели дешевые консервы и мечтали о большой и чистой любви».

Но стоило коту взять свою судьбу в когти, так и на конкурс красоты съездили, и мир посмотрели, и любовь обрели. Да как удачно! Если бы не конкурс, Масина «двуногая», может, и не переехала бы из своего Новосибирска, не стала бы расширять свой бизнес — производство кормов для кошек. И не было бы этого блаженного полдня.

Совсем недавно «двуногий» чуть было все не испортил. Когда Мадама (так называла Маса свою «двуногую») сказала, что собирается снимать дом в парковой зоне нового района Москвы, «двуногий» Ричарда неожиданно

вспомнил о мужской гордости и заявил, что он не нахлебник, мышь его загрызи, а добытчик, поэтому не собирается жить за счет слабой самки!

Счастье Ричарда и Маси было поставлено на кон, и Ричи снова пришлось прыгать выше своей головы и крутить хвост судьбе. Он как бы невзначай вытряхнул из тумбочки папку, которая именовалась «НЕТЛЕНКА». Слово это произносилось всегда после секундной паузы и с обязательным особым придыханием. И когда ворох макулатуры взлетел в воздух, Масина «двуногая» заявила, что Мастеру просто необходимы особые условия для создания «нетленки»!

— Это художник должен быть голодным, а писателю нужен мозг, не затуманенный поиском денег. Писать коммерческое кошачье г...но может любой дегенерат в любой помойке! А таланту нужно помогать, и я помогу, даже если кому-то что-то не нравится! А отработаешь ты... — Она грозно посмотрела в глаза «двуногому»: — Отработаешь своим величайшим романом, а также нежностью и любовью!

«Двуногий» Ричарда поворчал для вида, но согласился с вескими доводами. И вновь воцарился мир. Но уже в новом большом доме.

В этом мире все было прекрасно. Кроме одного. В бешеный перестук писателя и дятла вклинился другой звук — резкий, требовательный стук в дверь.

«Прапор...» — недовольно подумал Ричард, понимая, что не будет ему теперь ни сна, ни покоя.

— Лыжин! — с досадой воскликнул «двуногий», недовольно выбрался из-за стола и пошел открывать дверь соседу.

В дверном проеме показалась долговязая фигура Лыжина.

— Капитан Лыжин снова к вашим услугам! — заявил он с порога неожиданным басом. — Я как проснулся, слышу, ты все стучишь-стучишь-стучишь. И вчера вечером все стучал-стучал. Да чтоб я так рапорты строил, как ты свои фигурьки. Вот и подумал, что кто ж спасет человека, кроме доброго соседа!

«Двуногий» лишь моргал и пытался сообразить, что происходит, а «добрый сосед» уже протопал в гостиную, не прекращая болтать, сочувствуя, что не всем повезло с мозгами в жизни так, как ему, и что надо же кому-то и торгашеством, и писаниной заниматься.

Толстый лыжинский кот Прапор вздохнул и покачал головой:

— Приветствую, Ричард. Понимаю, мы опять не вовремя, но моего ж не остановишь.

Он не со зла, а просто мозги его заняты настолько важными проблемами, что о правилах этикета думать некогда.

— Ну что ты, мой и правда заработался слишком, надо бы и встряхнуться. Кстати, Мася недавно обнаружила неплохую полянку со свежей травой. Прогуляемся?

— Почему бы и нет?

И коты, задрвав хвосты, гордо покинули дом.

ГЛАВА 2,

**в которой выясняется,
откуда появились
Лыжин и Прапор**

Примерно за неделю до описываемых событий, в восемь часов утра с грохотом распахнулись окрашенные в стойкий синий цвет железные ворота, и на огороженную территорию приусадебного участка заехал грузовик. Ловко сманеврировав на узкой площадке перед домом, он остановился. Из кабины вылезли несколько грузчиков в синих комбинезонах с желтыми логотипами и ринулись открывать двери кузова, под завязку забитого коробками, пакетами и громоздкой мебелью.

Вслед за грузовиком показалась маленькая машина. Блондинка за рулем, перебирая изящными пальчиками, припарковала авто рядом. Из машины выскочил молодой мужчина и открыл красавице дверцу, нежно поцеловав ручку. Потом распахнул заднюю дверь, и оттуда, пошатываясь, выползли крупный кот и изящная белая кошечка. Эту ночь они должны были провести в новом доме в коттеджном поселке.

А Ричарда мутило. Он с самого детства ненавидел железные конструкции с колесами

и жутким запахом. Заставить его проехать на автобусе, куда он тайком забирался, могли лишь особые обстоятельства, вроде похорон родной тети Клеопатры, свадьбы друга детства Боцмана или долгожданной смены жительства.

Как же здорово после утопающего в копоти и выхлопных газах промышленного района Москвы оказаться в этом раю среди раскидистых сосен, фигурных кустиков, подстриженных газонов и уютных домиков! Бесконечно слушать чириканье кузнечиков, гонять юрких полевок, кататься по траве, впитавшей в себя всю теплоту жаркого июля. Что уж говорить о Масе? Она... она больше, чем совершенство! Еще полгода назад он бы даже не решился коснуться хвостом такой красавицы, сказать даже два слова. А теперь делит с ней корзинку, шепчет нежные слова на ухо.

Послезавтра «двуногая» должна была уехать в командировку на закупку каких-то уникальных кормов, поэтому их с писателем вещи должны быть разгружены в ускоренном темпе.

— Поставьте диван в гостиную и черную тумбу рядом! Осторожно, там узкий проход, наверное, лучше немного развернуть, тогда пройдет, — руководила рабочими «двуногая».

— Куда коробки? Ух, тяжелая... звенит что-то, — хриплым басом спросил здоровенный человек, поднимая серую коробку над головой.

— Стойте! Аккуратнее, там вазы! Поставьте на столик в спальне. Умоляю, не трясите! — руководила хозяйка дома.

«Двуногий», восхищаясь деловитостью своей возлюбленной, подпрыгнул и чмокнул ее в щеку:

— Я счастлив, о боже мой! Как же я люблю тебя... Больше жизни, больше солнца, больше неба, больше всего!

— Я тоже, родной... — повторяла «двуногая», то и дело отлипаясь от его губ, чтобы дать очередные распоряжения.

— Давай я помогу! — с жаром бросил писатель. Он попытался поднять большой баул, но сбил им стопку постельного белья, которое уже достали из коробок, сконфузился: — Ой.. Чистые же... были... — И тут же уронил сумку на коробку, издавшую тоскливый хруст.

— Милый, не надо, они справятся, им заплатили... — мягко одернула «двуногая», поднимая пачку накрахмаленных простынок из грязной лужи, которую успели намесить своими сапожищами грузчики.

— Ты — мое совершенство! — воскликнул писатель, крепко и страстно сжимая свою пассию в объятиях. Она и не думала вырываться.

Ричи и Маса, потираясь друг о друга шерсткой, улыбались и подмуркивали, глядя на счастливую «двуножью» пару. Ну, кто бы те-

перь мог поспорить, утверждая, что люди настолько примитивны, что не могут любить? Красивая самка, отложив белье, занялась кошачьими вещами. На нижней полке красивой деревянной тумбочки она расставила шампуни, разложила набор расчесок. В углу очутились миски для корма и воды, в уютном закутке одной из комнат — их корзинки с бархатной отделкой.

— О боже! Только не это! — вдруг закричал «двуногий». Пронзительный вопль, казалось был слышен на другом конце улицы.

— Что случилось, милый? — прибежала «двуногая» и в ужасе замерла.

— Труд всей жизни! — голосил писатель. — Вся жизнь, все надежды! Все пропало!

Одна из коробок, которая стояла у лестницы, была не просто открыта, неведомый злоумышленник проделал в ней внушительных размеров дыру каким-то острым инструментом. Повсюду валялись ошметки фольги, которой писатель заботливо обернул коробку, чтобы она не потерялась среди тысячи других. Ведь в ней, заботливо обернутая в тряпки, лежала папка с кучей записок, заметок, рисунков и фотографий, из которых должен был родиться тот самый роман — «нетленка»!

— О боже! Украл! Похитили! Но кто?! Зачем?! О, это конкуренты! Хотя какие конкурен-

ты... или просто силы зла! — Писатель сидел на земле, схватившись за голову. Казалось, еще немного, и он начнет рвать на себе волосы. — Где деревянный ящик? Вина мне, скорей мне вина! — тихо скулил он. — Моя папка...

— Ты точно ее туда положил? Милый, этого не может быть! — пыталась приободрить писателя «двуногая».

Наблюдавший все эту странную картину Ричард по выработанной годами привычке котектива начал анализировать ситуацию. С момента их появления во дворе нового дома до пропажи столь важной папки прошло не больше часа. Все это время калитка была запрета на замок, а значит, войти без звонка ни один «двуногий» не смог бы. А вот кот... — Ричи собрался осмотреть пространство вокруг дома и поискать дырки в заборе, но ничего сделать не успел, на сцене трагедии появились неожиданные гости.

В калитку настойчиво постучали, но так как никто не слышал стука из-за стонов писателя, то, не дожидаясь разрешения, гости сами распахнули дверь.

— Я думаю, что за шум, а драки нету, — хотнул рослый и тощий, как жердь, «двуногий». Он был одет в синюю полицейскую форму, на плечах красовались погоны с четырьмя звездочками.

— Привет, — обратился к Ричи толстый рыжий, в крупную полоску, кот и подмигнул зеленым глазом.

Хозяева растерянно заулыбались.

— Я — ваш сосед капитан Дмитрий Лыжин, в милиции служу... или в полиции, как по-нынешнему. — Гость пожал руку писателю и неловко чмокнул ладошку «двуногой».

Ричи отметил, что незванный гость хоть и бесцеремонный, но весьма симпатичный тип: сидящий брюнет, черты лица правильные и приятные, правда, нос слегка курносый.

— О, котики, это хорошо! — вальяжно протянул гость, посмотрев на Ричи и Масю. — У меня у самого кот. Вот, я его сюда даже привел — Прапор! Ха-ха-ха, у капитана личный прапор!

— Думаю, в представлении я уже не нуждаюсь, — не менее развязно произнес толстяк странной расцветки. — Привет еще раз, будем знакомы! — И потерся мордочкой сначала об Масю, потом об Ричи.

Половина его туловища была отчетливо красноватой, в мелкую полоску, а половина — темно-рыжей, почти багровой. На морде же проходила вертикальная граница цветов — половина была шоколадной, половина — цвета красной охры. Если бы не габариты, Пра-

пора можно было бы принять за трехцветную кошечку. Но цветов было только два, а объемы недвусмысленно намекали на мужскую природу.

Позже Ричи узнал, что этот толстяк не так нелеп, как кажется на первый взгляд, и обладает острым умом, а когда надо — и железной хваткой. Лыжин занимается расследованием преступлений и очень гордится родом своей деятельности и званием. Делает он это, как и положено «двуногому», неуклюже, неумело, с постоянными промахами, но при этом пользуется уважением коллег и уважением начальства. Все почему? Потому что его КПД значительно увеличивает Прапор, которого он почти всегда берет с собой на происшествия. В отличие от хозяина, кот всегда обращает внимание на нужные детали, грамотно собирает улики, но, самое главное, опрашивает котов. «Двуногие», в силу своей недалёковидности, не понимают, что коты умеют видеть и наблюдать в несколько раз лучше их самих, поэтому и совершают при них разные преступления без всякого зазрения совести. А коты потом охотно рассказывают все Прапору, а он, как может, делает намеки Лыжину.

Но пока рыжий толстяк казался Ричи развязным тупицей, под стать своему хозяину.

— Скандальчик, вижу, назревает? Это бросьте! Браниться-то нехорошо, делу не поможет, — произнес Лыжин почти нараспев.

— Нет, что вы, у нас тут пропажа. У нас... исчезла рукопись, это ужасно... — ответила «двуногая». Писатель же потерял дар речи и только качал головой, как игрушечная кошка.

— Ну, как говорится, бог создал сон и тишину, а черт — подъем и старшину. Недолго мы тут без дела тухли! Сейчас найдем быстренько этих... как их... злумышленников... — отрапортовал Прапор.

— Спасибо за помощь, но найти воров будет совсем непросто. Сюда никто не входил, калитка была закрыта. Папку украли тихо и незаметно, — мягко осадил Прапора Ричи. На первый взгляд тот показался ему безмозглым типом с сумасшедшим самомнением.

— А если трудно, то нужно стиснуть зубы в кулак и подумать головой. В дом можно попасть и не через калитку... через забор, например, — начал рассуждать вдруг кот.

В этот момент Лыжин ринулся с дивана к коробкам.

— Да найдем, что уж там... — уверенным голосом протянул он и подошел к нераспакованным вещам. — Ответ-то часто под ногами лежит, это уж я знаю! Да еще как знаю!

Капитан начал суетливо искать папку. Его высокая тщедушная фигура бросилась к куче тюков в углу комнаты. Увидев перевязанную наволочку, где лежали книги и журналы, он с ходу спросил: не она? — и, не дожидаясь ответа, ринулся к высоченной башне из вещей, которую рабочие уже разгрузили, но пока не успели занести в дом. С силой потянул на себя лежащий внизу старый чемодан, обтянутый дерматином, и вся эта хрупкая конструкция, не выдержав, рухнула. Коробки, свертки, чемоданы разлетелись по полянке, и тут же послышался сдавленный кошачий писк — груда коробок погребла под собой Прапора.

— Эй, дружище, ты жив? Сердечно прошу прощения! — Лыжин спешно отряхивался, параллельно пытаясь вынуть кота из обломков коробочной башни.

— Мьяаааа... — прокряхтел толстяк, пытаясь выбраться на волю. — Котическая мышь...

— Да ты мой... Да щас я тебя... — поднял злополучную коробку капитан.

Под ней лежала шляпа, которая вдруг зашевелилась и суетливо устремила в сторону крыльца.

— Скипидар мне под хвост! Ни мыша не вижу! — кричала шляпа голосом Прапора. Через

несколько секунд она со всего маху врезалась в стену и завывала от боли.

Когда Лыжин наконец освободил кота, то наступил ногой в небольшое красное ведро, коварной ловушкой притаившееся среди груды коробок. Капитан выругался под нос, освобождаясь от ведра, и вдруг, поскользнувшись на игрушечной резиновой курице, с мерзким писком полетел на землю.

Не в силах более наблюдать за так называемым расследованием, Ричи тихоньку отошел к развесистому тополю. Конечно, он за долгие годы привык к глупости и нелепости «двуногих», но увиденное было уже чересчур даже для него. Нечего думать, нужно брать дело в свои лапы.

Кто-то ведь разодрал блестящую фольгу. Бессмысленное действие, зачем мусорить, если можно просто открыть коробку и взять нужную вещь? Стоп! Папочка тоже была блестящая, «двуногий» ее обмотал в подарочную фольгу! А кто любит блестящее? Может, надо посмотреть не под ноги, а на небо! Ричи запрокинул голову вверх и увидел сидевших на дереве сорок.

Черно-белые птицы уселись в ряд на массивном суку, хлопали крыльями и переминались с ноги на ногу. Периодически они издавали звуки, похожие на возглас кота, которого

душит соперник, только в несколько раз громче и омерзительнее. «Двуногие» называют это «карканьем» — смешное слово, которое больше похоже на человеческие разговоры. Присмотревшись, Ричи заметил, что группа птиц, сидящая ближе к стволу дерева, клюет странный предмет. Что-то блестящее застряло в ветвях и привлекло всеобщее внимание.

— Это же та самая папка, пес возьми! Потерянная «нетленка»!

Вспомнив недавние схватки и погони в Праге, он сгруппировался и, ловко выпустив когти, пополз по стволу. Добравшись до развилки, в три прыжка оказался на ветке массового пиршества. Пернатые создания, увидев усатого гостя, переполошились, закричали и с двойным усердием пошли в атаку. Одна из птиц намеревалась клюнуть кота в ухо, но получила удар лапой с выпущенными когтями. Другая зашла сзади и нацелилась клювом на кошачью спину. Ричи оцетинился, выгнул спину и зашипел — пернатая отступила. Кот ловко подцепил папку и сбросил ее вниз, под ноги Лыжину. Тот сразу ее поднял и протянул ошалевшему от восторга писателю:

— Вот она, родимая! Не благодарите, это всего лишь наша служба... Бывает опасна и трудна, бывает — очень опасна и очень трудна.

— Пойдемте чай пить, — радушно предложила хозяйка.

— А может, чего и покрепче! — добавил писатель, глядя папку, как крохотного котенка.

С тех пор капитан Лыжин стал навещать в гости пару раз в неделю. К слову сказать, Прапор оказался гораздо приятнее своего «двуногого» и нередко извинялся за огрехи подопечного. Хотя умом тоже не блистал, зато общаться с ним было просто, и даже Маша прониклась к дородному добродушному коту материнской заботой. Прапор был действительно огромным и не очень ловким. Он ухитрялся ронять все, мимо чего проходил, но делал это с таким трагическим и обескураженным видом, что оставалось только понять и простить его. В первое свое посещение он преподнес Маше «живого» мышонка. Правда, пока преподносил, слегка перестарался и раздавил его. Но при этом так комично страдал, что был моментально прощен.

ГЛАВА 3,

в которой Ричи и Мася
исцеляют страждущих

Жара — это, конечно, хорошо, но когда она держится слишком долго, это утомляет даже котов.

— Я и не знала, что когда-нибудь устану лежать на солнце! По-моему, мои мозги скоро спекутся и превратятся в мышиную попку, — помахивая шикарным хвостом, хныкала Мася. — Ричи, меня нужно срочно спасать! Ты же котектив, придумай что-нибудь! Мне срочно нужна зарядка для ума, иначе я поглупею, растолстею, у меня испортится характер, и ты меня разлюбишь!

— М-да, это серьезно, — фыркая и смеясь, ответил Ричи. — Я знаю, где тебя ждет спасение! Идем в клинику!

Он подобрался и спрыгнул с подоконника. Мася еще несколько секунд недовольно смотрела на него, пытаясь сообразить, при чем тут клиника и не хочет ли ее возлюбленный ее обидеть.

— Давай сходим в клинику Вощинского! — пояснил Ричи. — Тем более Франсуаза говори-

ла, что у них есть несколько интересных случаев. Будет тебе зарядка для мозгов. Надеюсь, мы успеем, и они не спекутся до состояния... как ты там сказала? — поддел он подругу.

— Успеем! — засмеялась Маса и игриво кинула его за ухо.

Они нырнули в тень кустарника, проскользнули между деревьями и не спеша двинулись в сторону клиники Григория Вощинского — делового партнера Масиной «двуногой».

Ветеринарная лечебница Вощинского находилась далековато, и обычно коты добирались туда с «двуногими» на машине. Но сейчас погода была такая славная, что легкая пробежка под нежным ветерком доставляла одно удовольствие.

Уже через двадцать минут котектив со своей подругой стояли перед дверью клиники «23 хвоста». Кодовое мяуканье, и дверь плавно открылась, впуская парочку в кондиционированную прохладу больничного коридора.

— Ну наконец-то вы снова здесь! — раздался радостный возглас из-за открытой двери в конце коридора. — Проходите, я как раз собиралась перекусить и готовиться к осмотру! У меня для вас припасена пара интересных случаев! Но сначала — завтрак!

Даже «двуногие», несмотря на их эгоцентричность и невнимательность, называли

Франсуазу «кошачьим доктором». Им казалось, что это неплохая шутка, и считалось хорошим знаком, если беспородная рыжая кошка подходила обнюхать пациента. Но Франсуаза действительно неплохо ставила диагнозы, помогая своему «двуногому». А с недавних пор ей частенько помогали Мася и Ричи.

Совместный перекус превратился в приятный ритуал перед работой. А любимая тема для разговора — их удивительная встреча.

Григорий Вощинский оказался поклонником кошачьего творчества «двуногой» Ричи, о чем и написал в издательство. Редакторы передали восторженный отзыв автору. Завязалась переписка, в ходе которой выяснилось, что у ветеринара (какое же противное все-таки слово! Как будто когтями по стеклу!) много общих интересов с Масиной «двуногой», в том числе в сфере кошачьего бизнеса. Так много, что вскоре возникло сразу несколько совместных проектов. Писатель был счастлив. Ровно до тех пор, пока не увидел фотографию своего поклонника. Он сразу помрачнел и предложил своей подруге поискать другого партнера.

— Даже я не сразу понял, в чем дело! — делился воспоминаниями Ричи. — Ему как будто хвост прищемили. Бегает, пыхтит, а почему — не ясно. Я прочитал всю переписку, собрал до-

сье на Вощинского, но так и не нашел ничего, что могло бы так расстроить и разозлить моего «двуногого». Я смотрел на фото и так, и этак... Ничего особенного — невысокий, темноволосый. Похож на мальчишку. Ну разве что улыбка...

— Ох, уж эти коты! — закатила глазки Масы. Это была ее любимая часть рассказа. — Я-то сразу поняла, в чем дело! Франсуаза, твой хозяин очень обаятельный и привлекательный по меркам «двуногих». Ревность! Вот что это было! Хорошо, что моя «двуногая» тоже это поняла и смогла убедить своего Отелло в том, что ему нечего беспокоиться.

— И как хорошо, что ваши «двуногие» прислушались к совету моего и сняли домик именно в этом районе, почти рядом с нами, — закончила Франсуаза. — Теперь мы можем ходить друг к другу в гости! А помните нашего первого совместного пациента, шарпея? Как там его звали? Бакс, кажется? Он лежал без сознания и распухал на глазах. Ни я, ни «двуногие» не понимали, что с ним происходит. Но ты, Ричи, сразу сказал, что очень похоже на аллергию, что аллерген все еще находится внутри и продолжает действие.

— Да, самое трудное было — выпроводить «двуногих», чтобы спокойно осмотреть

его. Никогда бы не подумал, что буду спасать пса. — Ричи даже передернуло. — Но, Маша, ты так хорошо мяукала! Помнишь, как они все вместе побежали за тобой, потому что решили, что ты умираешь!

— А Франсуаза сообразила заблокировать дверь и выиграла время! Мы неплохая команда! — мурлыкнула Маша.

— Вот он — клещ, которого ты, Ричи, достал тогда из складок в шкурке собаки! «Двуногие» ни за что бы его там не нашли! — Франсуаза выкатила из-под шкафа маленькую склянку с крохотным клещом, который чуть не убил складчатого шарпея.

Ричи немного сконфузился. Конечно, хорошо, когда твой незаурядный ум спасает чью-то жизнь, пусть даже и собачью... Но вспоминать о том, где именно пришлось ковыряться, было неприятно.

— Мне больше понравился тот случай с пигментацией, — перевел он разговор на другую тему.

— «Мой котик почему-то седеет! — Маша очень похоже изобразила «двуногую», принесшую недавно черного кота с непроизносимой породой. — Ах, я его купила за огромные деньги! Ах, таких котиков осталось всего несколько штук! Ах, я потомственная колдунья, и мне нужен только черный кот, но я же люблю сво-

его Василиска!» Ах, ах! Кудах-тах-тах! Курица, а не человек!

— А кот тоже был сначала важный и напыщенный! Помните, все про духов болтал? Мол, призраки рядом, и только он сможет их прогнать! — вздохнула Франсуаза. — А на деле оказался крашенный беспородный аферист, который был готов на все ради регулярной порции сливок и колбасы. Это всего лишь предрассудки — порода, чистокровность. Главное в котах — это...

— Мурчалка! — раздался вдруг страшный рев из коридора. — А у тебя есть мурррчалка? Вот оно! Вот что главное!

— Ой, это Левиафан, — подхватила Франсуаза и, понизив голос, доверительно сообщила: — Полный псих. Ищет какую-то мурчалку. Замучил уже всех. Быстро-быстро, надо его угомонить!

По коридору за крохотной кошечкой, медленно переваливаясь с боку на бок, следовал толстенный кот и орал, что было сил:

— Я излечу мурчалку! Я тебя спасу!

Кошечка юркнула в какую-то коробку, а Левиафан, не вписавшись в поворот, проскользил по ламинату и, сбив небольшую табуретку, врезался в Ричи.

— Держи его! — крикнула Франсуаза.

Но все оказалось не так просто, пришлось звать подмогу. Ричи с Масей держали Леви за жирную холку, Франсуаза ловко пережала ему шею, толстяк сразу обмяк и, пошатываясь, ушел в свою переноску.

— Вот такие типчики у нас бывают! — отдышавшись, похвасталась Франсуаза. — Григорий не знает, что с ним делать, считает, что это «посттравматический синдром». Но что за травма у него случилась — пока непонятно. Хотя последнее время Левиафан стал спокойнее, думаю, идет на поправку. Все-таки мой «двуногий» — просто гениальный доктор. Может быть, он даже в прошлой жизни был котом. Идемте сюда, здесь случай поинтереснее!

В просторном боксе лежала на боку худющая молодая кошка. Шерсть ее была коротко пострижена, но все равно выглядела тусклой и свалявшейся. Было видно, что кошке действительно плохо.

— Здравствуйте, Марта, — негромко окликнула пациентку Франсуаза. — Как вы сегодня себя чувствуете?

— Оставьте меня в покое! Дайте мне умереть, — едва слышно прошептала кошка, даже не открыв глаза.

— Она поступила вчера утром. Ее постригли, потому что подозревали клещевой энце-

фалит. Но кожные покровы чистые. Внутренние органы в норме, анализы свидетельствуют об истощении, но в целом нормальные. К сожалению, ей становится все хуже, — со вздохом сообщила Франсуаза.

— Вы сказали, что хотите умереть, — мягко произнесла Маша. Ричи просто залюбовался своей подругой — сострадание делало ее невыразимо прекрасной, голос звучал особенно нежно и проникновенно, а вся она будто светилась изнутри. — У вас что-то болит? Мы очень хотим вам помочь.

— У меня ничего не болит. И никогда не будет болеть. Я никому не буду мешать, а просто тихо уйду из этого мира. От всего этого. Мое место уже занято, дайте мне уйти.

Кошки переглянулись в полном недоумении, но у Ричи вдруг загорелись глаза, и он воскликнул:

— Ох, уж эти «двуногие»! Они такие непостоянные! Клянутся, что будут любить тебя, а потом «заводят», словно игрушечную курицу, птичку... или кролика... Ваши завели собаку?

— Хуже... — слабо встрепенулась Марта. — Они завели ребенка. Они не пускают в его кровать, не пускают к себе в комнату. Я их по-своему люблю. — Она тяжело сглотнула. — Мне нравилось, когда мои «двуногие» играли

со мной, я даже была не против того, чтобы называть их хозяевами. Да, моя любовь была такой всепоглощающей. А потом появился этот детеныш...

— И ты решила уйти вот таким образом?

— Да. Я просто перестала есть. А они даже не сразу это заметили. Сначала я хотела их просто напугать... а потом... потом стало все равно.

— Но я видела вчера твою «двуногую», — громко мяукнула Франсуаза. — Она была убита горем. И она была без ребенка. А уж поверь мне, чтобы такая, как она, оставила своего детеныша даже ненадолго, должна быть очень серьезная причина.

— Правда? — Марта впервые проявила интерес к разговору, даже приподняла голову.

— Да. Если бы ей было все равно, она бы не повезла тебя в лучшую клинику, не заплатила бы кучу бумажек. Да что говорить, твой «двуногий» плакал в коридоре.

— Он... плакал... — мурлыкнула Марта. — Вы думаете, они все еще любят меня?

— Конечно! — в унисон ответили Ричи и кошки.

— А можно мне тогда чего-нибудь поесть? А то аж живот от голода сводит.

— Конечно-конечно! Бульон в четвертую! — крикнула Франсуаза в коридор.

На прощание она долго благодарила коллектива за помощь.

— Мы бы так и искали физическое заболевание, а все оказалось в ее голове!

— Ну что ты, Франсуаза! Хорошо, что в этой клинике все — от котов до «двуногих» — действительно преданы своему делу, — ответил Ричи, довольно улыбаясь.

Домой влюбленные возвращались уже по вечерней прохладе. Еще один день был прожит не зря.

ГЛАВА 4,

в которой был похищен
Минкульт

Ричи рассказывал по своему любимому карнизу. Была теплая августовская ночь, где-то внизу в траве скрипели сверчки, луна вылезала из-за крыши соседнего дома. Кот почему-то никак не мог успокоиться.

Весь вечер он прогуливался по огромному дому, пытаясь понять, что же не так. Вроде бы последнее дело было с блеском раскрыто, обошлось без неприятностей и нехороших последствий. Все были довольны. И все же контекста что-то беспокоило. Какая-то мелочь, которую он очень хотел запомнить, но упустил в суете...

«Нехорошо, — с досадой думал Ричи. — Непрофессионально выходит. Мне вообще нельзя забывать детали, а такие важные — тем более. Знать бы еще какие...» Значит, придется вспоминать до самых мелких подробностей последнее дело.

А последнее дело было простым и даже, как решил бы теперь любой мало-мальски знакомый с сыскным делом, банальным.

В очередной раз в гости к влюбленной парочке пришли Лыжин и Прапор. Нельзя не отметить, что капитан любил своего рыжего напарника, особенно любил расхваливать его уникальную расцветку, но не всегда осознавал, насколько тот ему помогает. Капитан частенько захаживал к соседям, чтобы пересказать историю дела, которое он только что триумфально раскрыл, получив горы благодарности и признания от начальства и пострадавших. Самые известные передачи приглашали его на интервью, но он, как человек скромный, всегда отказывался.

Лыжин даже изредка упоминал Прапора (Ричи из этих рассказов мог легко сделать выводы о реальном участии в делах толстяка) и клубками по ковру рассыпался в мелких подробностях своих расследований. При этом умудрялся не замечать важных мест даже в своих рассказах. Люди, что с них возьмешь.

Тем не менее иногда он выдавал полезную информацию, особенно касавшуюся работы полиции и прочих людских служб. Поскольку Ричи старался избегать контактов с ними, послушать об их методах работы было небесполезно. С Прапором котектив заприятельствовал, хотя и считал того немного странным. Полосатый увалень пе-

ренял от своего хозяина не самые хорошие черты — лень и любовь приукрашивать свои деяния. При этом Прапор неплохо соображал и был значительно внимательнее своего «двуногого». К Ричи он относился немного настороженно, а иногда и с обидой, когда тот раскрывал дела, над которыми капитан бился долго и безуспешно.

Лыжин тоже заметил котектива, особенно когда тот чуть ли не носом тыкал капитана в несостыковки в его рассказах. После насмешливого шипения он спохватывался, восклицал: «Да, и кстати, точно же, забыл!» — и пытался потрепать Ричи по загривку. Котектив увиливал и с тайным самодовольством наблюдал, как человек наконец начинал понимать, что он упустил.

Дело дошло до того, что Лыжин, церемонно оправдываясь перед хозяевами Ричи, пару раз просил взять того с собой, мол, чтобы Прапору не было скучно одному. На самом же деле котектив неоднократно указывал на улики, которые прозевал полицейский. А когда капитан раскрывал дело, то называл котектива «своим талисманом».

Ричи такая типично людская бесцеремонность не задевала. Ему нравились дела, за которые брался Лыжин, и раскрывать их было довольно занятно.

Впрочем, капитан, надо отдать ему должное, был вполне неплохим, хотя и очень примитивным. Чувство такта у него отсутствовало напрочь, зато он к котам относился как к себе подобным. Даже приподнимал фуражку, здороваясь с Ричи и Масей.

В тот день с утра пораньше он заглянул в гости. Вид у него был расстроенный, а под мышкой он держал своего кота.

Прапор грузно спрыгнул и поплелся прямо на кухню, где улегся на коврик неподалеку от Маси. Но Ричи не возражал — его хозяйева пригласили Лыжина пить чай на той самой кухне, значит, предстоял интересный рассказ.

— Прапору плохо! — развел руками Лыжин. — Не ест ничего и мяучит. Не понимаю, я его вроде неплохими кормами кормлю, а вот, видать, живот скрутило.

— А надо нашими кормами кормить. — Тут же вставила слово Масина «двуногая».

— Так я и зашел к вам по пути, чтобы взять корм, так сказать, из первых рук. А дальше — к Воцинскому пойду, пусть пилюли, что ли, пропишет какие-нибудь.

Прапор фыркнул.

— Не хочу я к Воцинскому, опять клизму ставить будет. Я вчера мышшь какую-то ущербную поймал. Еще ж думал, что не стоит есть, пес ее задери! Но ведь не удержался!

— С тобой вечно так, — улыбнулась Мася, — не хочешь, но через силу пропихнешь. Как мячик.

Прапор вздохнул и закатил глаза.

— Да прошло у меня все давно. Подобное лечится подобным, а мыши — мышами. Это мой «двуногий» такую мурляндию завел, чтобы тебя выпросить на новое дело. Особой важности!

В одном из соседних домов чуть дальше по улице жил некий «двуногий» Даниил Азаров, один из самых богатых бизнесменов Подмосковья. Об этом, впрочем, любому ко-ту говорил четырехметровый забор усадьбы, за который попасть даже такому умельцу, как Ричи, было непросто.

Лыжин потирал курносый нос и потрясал кулаками:

— И представляешь, орет на меня: «Где мой павлин?! Развели воровство и криминал! Да я знаком с самим премьер-министром, да мою продукцию весь аппарат закупает!» И прочее, и прочее... Я, конечно, тоже не лыком шит и тоже с премьер-министром знаком, только не браввирую этим, как некоторые... Какие такие павлиновые воры? Послушай, я знаю всех в этом городе, все «смотрящие» ко мне с отчетом ходят, но кому толкают павлинов? Кому вообще нужны павлины? Тебе нужны павлины?

— А вы продаете? — переспросил писатель.

— Не смешно, — обиженно буркнул Лыжин и продолжил: — В общем павлина он называл Минкульт, и вот этот Минкульт и пропал. Культуры не стало, ишь. И все ему виноваты, я вот тоже, — жаловался Лыжин. — Обещал даже в Управление писать. Возит всяких зверей и всякую редкую ерунду, хранит непонятно как, а я виноват — не уследил. И езжай, говори, ищи Минкульт. А как его искать? Он, может, на юг улетел, или куда еще они улетают. Или его же зверинец павлина сожрал. У него чего только не водилось. Вот поеду осматривать место преступления, которого, может, и не было вовсе. Еще Прапора захватил, у него что-то живот разболелся, не могу я его в таком состоянии оставлять. Кстати, хотел спросить — вашему не надо погулять? Я его тоже с собой возьму, а то чего он взаперти сидит. Развеемся. Заодно и моему веселее будет. Вон они как сдружились, — показал он на приятелей.

— А представляешь, какая у них там кухня? — мечтательно облизнулся Прапор. — Мясное все. Сладкое. Острое...

— У тебя ж с животом проблемы, — вставил Ричи, дослушивая Лыжина.

— Ну, я вроде на поправку пошел, — обиженно покачал лобастой головой толстяк.

— Похоже, меня с тобой зовут посмотреть, что произошло у этого Азарова. Павлина у него украли? — спросил Ричи.

— Угу, — подтвердил Прапор. — И кому нужны павлины вообще?..

Получив согласие взять в компанию Ричи, Лыжин радостно допил чай, схрумкал последнее печенье из вазочки и засобиравшись наконец осматривать объект, то есть дом Азарова.

— Осмотр должен быть детальным и тщательным, но пока что смотреть — непонятно. На то, что павлина нет? Это и так понятно, что нет его. Понавезет дорогой ерунды откуда-то, сложит в подвал — и рад. А зачем оно ему надо? В самом деле, музей бы открыл, пусть люди смотрят... Ну, ничего, я скоро буду иметь рандеву с министром сельского хозяйства и все расскажу, все!

Лыжин удалился в коридор. Прапор грузно поднялся с коврика, и Ричи последовал за ним.

— Вот умницы, все ж понимают, — умилился полицейский. — Ну что, котики, поехали со мной.

— Большой тебе котиной удачи, милый, — шепнула Маша, лизнув котектива в нос.

Лыжин открыл заднюю дверь своей машины, древней, но еще бодрой грязно-зеленой «Ауди», и картинно изогнулся в полупоклоне:

— Прошу!

Прапор, как будто это было само собой разумеющимся, запрыгнул на заднее сиденье. Ричи фыркнул и тоже полез в эту чересчур пахучую большую консервную банку.

— Кажется, я понимаю, почему у тебя живот болит, — покосился он на Прапора, громко чихая. — У меня от такой вонищи тоже бы заболелся.

«Ауди» с грохотом завелась и неспешно выкатилась на узкую асфальтовую дорожку.

Ричи с интересом поглядывал за окно, Прапор же явно был не в состоянии следить за чем-либо.

— Что, бедненький, плохо тебе? Сейчас приедем, — обернулся к нему Лыжин.

— Ненавижу тачки, — пробормотал кот, уткнувшись носом в угол.

А котектив тем временем начал перебирать в памяти все, что знал об Азарове, благо о нем и его состоянии в их подмосковном городке ходило неисчислимое количество слухов и историй.

После учебы в институте на филологическом факультете восточного направления со специализацией по фарси и службы в армии в нескольких «горячих точках», он вернулся в Россию девяностых. С головой ушел в бизнес и после нескольких лет неблагодарной розничной торговли купил у товарища